

Галя Маркелова
Проза Поэта



Анатолий Горюшкин
Театр одного актера
Москва, 2011

Небольшая книжечка, всего 112 страниц, без всяких ББК, то есть снова самиздат в ста экземплярах. И это в стране, освободившейся от цензуры соцреализма! Что ж, роль интеллигенции и ее положение в обществе, а значит, и отношение к ней, не меняются. Все ее, интеллигенцию, хотят подмять, то властным окриком, то властью золота. Коль хочешь видеть свое произведение

в виде книги – плати! Какие проблемы?! Есть, правда, нынче издательства, имеющие деньги невнятного происхождения, чтобы публиковать и неимущих. Деньги не пахнут. Но душок, все же идущий от них и от этих издательств, навевает некоторые воспоминания...

А нувориши платят. И скоро их дети (ну, очень талантливые!) и жены, любовницы (обоих полов) живо удивят нас обвалом своих печатных произведений (ну, очень эксклюзивных!), благополучно засорив пипифак-

сом книжные магазины, точно так же, как уже засорили самую тонкую, беззащитную составляющую нашего бытия – эфир...

И вот тут не все сходится в логике мироздания. Из щели, из трещины в эфире, из небытия возникает образ идадьго. Вечный дух упрямца, желчь и сарказм которого, справедливо излитые на тупоголовых, алчных, невежественных современников, сгущаются на страницах такого же самиздата позапрошлых столетий, сотворяя язык нации и становясь фактом культуры, вправляющим мозги множествам еще не рожденных поколений. По непонятным, по не открытым еще законам, этот образ оживает, обретает плоть, становится зримым. Преодолевая сопротивление всякого быта и бытия, в плену иллюзорных, сиюминутных представлений о чести, дружбе и красоте этот дух, сверкая стойкостью простодушия и призрачных доспехов, преображает Землю. И география этих воплощений творца бессмертного идадьго, дона Мигеля Сервантеса де Сааведры, непредсказуема. Они являются то на подмосковной заброшенной даче, то в бетонной коробке «хрущевки», то где-нибудь на краю света, в провинциальном почти сплошь одноэтажном городке, обозначенном маленькой точкой на карте Анивского залива, что почти рядом с проливом Лаперуза...

«Поэты, как мы знаем, могут рядиться в любые одежды. Истинная поэзия всегда в рубище. Ибо лик правды, особенно нашей, российской правды, трагичен и суров». Так написал в 1998-м известный в свое время журналист Игорь Зайонц в предисловии к книге А. Горюшкина «Пассажиры в аду», вышедшей, однако, в 2006 году.

Мне всегда было душно в регулярных садах литературы соцреализма с ее неуклюжими идолами, увенчанными лауреатскими венками различных фасонов, а позднее и расхристанными ликами нонконформистов, лукаво подмигивающих из-за уже не совсем ухоженных кущ этого сада. Всегда создавалось впечатление, оставался осадок, но теплилась надежда, что есть где-то совсем рядом та истинная, та честная литература, тем более что некоторые имена, да нет, скорее отдель-

ные строчки, задевали, как ласточки крылом на бредущем полете, и ранее. Сейчас и не вспомню, где и когда натолкнулась на стихотворение о Брейгеле:

Мне помнится, у Брейгеля в «Зиме»
впервые я прочувствовал пространство,
холодное, как скрип саней,
просторное, как плащ фламандца, –

и остолбенела. Вот это да! И это мой современник!

Значит, надо полагать, жива русская литература! Просторное пространство отрезвляющей правды, наполненное ароматов «Сада божественных песен». Позднее (уже в этом столетии) я опознала эти строчки Анатолия Горюшкина в его книге стихов «Пассажиры в аду».

Там же, в той же к книге А. Горюшкина «Пассажиры в аду»:

Самое сложное – это
Быть, словно песня, простым.
Снег осыпается с веток.
Жизнь превращается в дым.

Самое сложное – это
Песню допеть до конца.
Песня – единственный слепок,
временем снятый с лица.

Проза Поэта – та же поэзия. Она всегда ошеломляет, от Александра Сергеевича до Осипа Эмильевича. Проза поэта – особая субстанция, потому что мы попадаем в отличную от нашей, тривиальной, «систему образующего отношения», когда затертым словам, ввиду их особого звукового и зрительного ассоциативного звучания, даруется новый, неожиданный смысл. Рассказывая о своем друге поэте, музыканте и певце, Анатолий Горюшкин говорит:

«Александр Майсюк брал в руки кусок грубой звуковой материи и творил из нее сладостную легенду». И далее: «Мы зна-

ли, что жить – не столько хорошо, сколько интересно. Мы не бедствовали. Нас просто выключили из литературного процесса (а в нынешние времена – забыли включить). У нас оставались стихи и песни.

Отменить их – это все равно что отменить декретом самого Господа Бога».

Но сейчас не об этом. То есть об этом, о жизни и творчестве поэта. О его видении смысла жизни. О прозе Поэта. О рождении Поэзии.

Философия жизни, определенная сжато, скупо, точно. Временем снятый слепок с лица всего поколения, есть проза Поэта – «Театр одного актера».

